

Илья Кучеров

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050637

Стихотворения:

ISBN 978-5-91627-019-8

Аннотация

Илья Кучеров (1965) закончил Лесотехническую Академию, кандидат биологических наук. Книга стихов «Морской конек» (1999); стихи печатались в «Литературной газете», альманахе «Крещатик» и др.

Содержание

Почти магическая конструкция	5
Часть первая	8
Геральдика	8
«Моя Норвегия, где я ни разу не был...»	10
«Когда над городом сгустится тишина...»	12
«Подари мне лезвие души...»	14
Шаги командора	16
«Морозная заря качается над лесом...»	18
«Этой ночью все деревья спешат раздеться...»	19
«Когда на море падет лимонно-желтый закат...»	21
«У кошки серые глаза. Лови ее, лови...»	23
Закон джунглей	24
Морской конек	26
I. «Изготовится к бою лещина...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Илья Кучеров

Стихотворения

Об авторе

Илья Кучеров (1965) закончил Лесотехническую Академию, кандидат биологических наук. Книга стихов «Морской конек» (1999); стихи печатались в «Литературной газете», альманахе «Крещатик» и др.

Почти магическая конструкция О стихах Ильи Кучерова

Книга, которая перед вами, потребует от вас иногда останавливаться и закрывать глаза; она потребует, чтобы внутренняя поверхность ваших век стала экраном, на котором будет формироваться образ, которому нет еще имени. Можно ли сделать лучший комплимент книге стихов?

Илья Кучеров не из самых молодых авторов – он родился в 1965 году и пишет уже около четверти века; его первая книга, «Морской конек», вышла десять лет назад, стихи его представлены на сайте «Новая Камера Хранения». И все-таки его известность, даже в литературных кругах, недостаточна. Возможно, это связано с тем, что сам он долгое время не придавал своим стихам должного значения и не заботился об их публикации. Ведь поэзия – не единственное его поприще: Кучеров – биолог, специалист по таежной и тундровой флоре, объездивший с научными экспедициями чуть ли ни весь север России, от Мурманска до Анадыря.

Каждый поэтический текст Кучерова состоит из настолько разных культурных, исторических и иных фрагментов, что временами возникает впечатление мозаики. Но постепенно разномастный ряд образов затягивает читателя. А главное, картинка словно упрощается к концу, прихо-

дит к цельному образу – но образ этот нельзя понять глубоко, не пройдя перед этим весь текст стихотворения. И для прояснения того последнего образа, который остается в читателе как послевкусие, годится любой контекст и даже любое сочетание контекстов, имеющих самые, казалось бы, отдаленные связи.

У Кучерова это не окружающая его (и нас) действительность меняющейся страны, а словно застывший водопад истории, который распадается на фрагменты, как головоломка-пазл; и эти фрагменты могут комбинироваться для создания многомерного, многосветового, что ли, ощущения от текста. В лучших стихотворениях найденные автором (и – вслед – находящиеся читателем) связи между контекстами складываются в непростое единство.

В 2000-е поэтика Кучерова консолидируется, если такое слово уместно. «Морской конек» полон контекстуальных пазлов; более поздние тексты используют ту же технику, но элементы уже не культурно обусловлены, а скорее порождены непосредственными впечатлениями окружающего мира. В итоге реальность становится почти магической, а кусочки воображаемой смальты прилегают друг к другу теснее, формируя уже не картинку, но картину.

Фрагментарность и собирательность чревата как минимум одной опасностью: несоразмерностью образа и фона. Но с каждым годом в стихах Кучерова их соотношение становится точнее.

В общем, читать медленно и спокойно. Следить за движением мира на внутренней стороне век.

Светлана Бодрунова

Часть первая

Из книги «Морской конек»

Геральдика

Что будет на гербе, того не миновать.
С тех пор, как наша степь очерчена Страбоном,
Балтийский леопард поставлен воевать
Пределы Азии, лежащие за Доном.

Там ходят люди с головами псов,
Олень стучит копытами в ворота,
И где-то в глубине серебряных лесов
Цветут лазурь и позолота.

Там белый витязь башню стережет
И тяжелой булавой приветственно вращает;
Он подвиг совершит и город подожжет,
Но даже этот грех Владычица прощает.

А дальше – вечный день и вечная весна,
Где светят соловьи у каждого алькова,
Взлетает роза, падает луна,
И рвется в небеса крылатая подкова.

Зачем же сущности всегда разделены
Девизом и копьем, финифтью и эмалью —
Мы только видим упоительные сны,
Как женщиной, пленясь немой согдийской далью.

И, выйдя на войну и падая на снег,
Навек раскрашенный лазоревым и алым,
Ты вспоминаешь, что вчера во сне
Она тебя и впрямь поцеловала.

1995

«Моя Норвегия, где я ни разу не был...»

Моя Норвегия, где я ни разу не был,
Печалится, и ждет, и плачет за чертой,
Где лестница морей уводит прямо в небо,
И мутная заря сочится пустотой.

По небу шпиль летит, и Старый Томас мчится,
Сжимая черный флаг железною рукой;
Русалка датская у ног его струится
И молит с корабля уволить на покой.

По мокрым берегам вышагивают сосны,
Корнями шевелят, жуют морское дно
И стерегут, когда обманчивые весны
Набросят маскхалат на каждое окно.

Они ломают строй, свистят и ждут ответа,
Но атаман молчит и рвется в облака, —
Лишь в небесах небес до самого рассвета
Сжимает флаг его железная рука.

Я не меняю твердь на беженку в ковчеге —
Меж небом и водой не вымолить огня.
Деревья хлещут ром, мечтают о побеге,

Моя Норвегия напрасно ждет меня.

1995

«Когда над городом сгустится тишина...»

...Редеет облаков летучая гряда.

А. С. Пушкин

Когда над городом сгустится тишина,
Опять, как из ларца Пандоры,
Метро наполнится шагами Командора,
И Невский зачеркнет Китайская Стена.

Мы возвращаемся: ни мира, ни войны,
Лишь свист и шорох покоренной дали, —
Но нет таких личин, чтоб мы не увидали
Привычный абрис Петроградской стороны.

Здесь не Офелия – здесь мышь оплачет вас
В буфете, где ни круп, ни соли,
Лишь только догорят остатки силы воли
В окошке над Невой, где Феникс не погас.

Мы опускаемся у самой кромки льда
И, крылья складывая, замираем.
Мы подождем, пока вороньим граем
Очнутся ваши города.

Не поминай о мертвых никогда:
Они и так на облаке кочуют,
Но вмиг слетятся, только кровь почуют.
Редает облаков летучая гряда.

1993

«Подари мне лезвие души...»

...Чтобы нам уехать на вокзал...

О. Мандельштам

Подари мне лезвие души
От людей, что прячутся в тиши.

Я уйду к заливу под сосну,
Под корнями старыми засну.

И во сне, огнем неопалим,
Я построю свой Ерусалим,

Где людей стрижет, как тополя,
Жадная до похоти земля.

Я возрасту, как дерево в лесу,
Я по веткам расточу росу,

Я вернусь – а мы уже ушли
На другую сторону Земли.

Пусть теперь разят из-за угла —
Вместо крови вытечет смола!

Шаги командора

В этом доме умирают кошки —
Знать, и мне придет пора,
И над кадишем в затрепанной обложке
Во дворе заплачет детвора:

Мендл, Мендл, ты идешь по кругу
С чашей у виска, пробитого дождем;
Где теперь найдешь себе подругу,
Где построишь дом?

В час, когда Творец затеплит ханукийю,
У твоих дверей завертится зима;
Звезды путь вершат – да кто они такие,
Чтоб сводить тебя с ума?

Тишка, Тишка, где ты, киса Тишка? —
Мяу! – отвечает Тишка, – я лечу!
Этот мир как недописанная книжка,
Нам сверстать ее не по плечу.

Не тягаться черной кошке с василиском,
Он давно таится в глубине двора. —
Киска, киска, дай мне силы, киска,
Мне с тобой пора.

Мы с тобой взовьемся, словно дым осенний,
Словно желтый лист, летящий в небеса,
Мы с тобой прольемся под ноги растений,
В дальние, далекие леса.

1995–2006

«Морозная заря качается над лесом...»

Морозная заря качается над лесом,
И больше потерять не страшно никого:
Сосновый гроб давно томится под навесом —
Как первые цветы, всегда на одного.

От пепельных берез до вечномертвой хвои
Земля скопила яд в бестрепетной игле;
Не прикасайся к ней – она готова к бою:
Вобьет тебе кутак и заточит в скале.

Ни стих державинский, ни сталинские руны,
Ни падающий снег у нас над головой,
Не объяснили нам, пока мы были юны,
Что эта часть земли оставлена Тобой.

Ладони распахни – с них бабочка взовьется,
Навек огранена в гранитный лед.
Застывший водопад набухнет и взорвется.
Полуночный Гаспар непрошеным войдет.

«Этой ночью все деревья спешат раздеться...»

Этой ночью все деревья спешат раздеться,
Догадываясь что лета больше не будет.
В перевернутой банке свечным огарком лучится детство,
Да брусника манит вкусом под левой грудью.
Вечор, ты помнишь, нам Афродита пела
Про обретение новой – ледовой – плоти,
А нынче снова грохочет белая пена,
И птицы, прощаясь, пляшут в водовороте.
Не сомневаясь, что лета больше не будет,
Не бойся и выпей осень из белой фляги —
Это только кровь моросит из раны под грудью
И падает спелой брусникой на белый ягель.
Это птицы, крича, на юг улетают – знают,
Рыбы знают и лезут в омут,
Облетевшие листья в предутренний лед вмерзают,
К полудню он снова тает, и листья тонут.
Нам не надо рожать детей, а если придется,
Посади их в лодку: они научатся плавать;
Белый свет повернется, вряд ли кто-то вернется,
Но по ним уже некому будет плакать.
Им в каждом камне вырыт шум водопада,
Им ягель на плечи ляжет белой периной,
Не оглядывайся: нам уже ничего не надо.

Мы входим в новый ледниковый период.

1997

«Когда на море падет лимонно-желтый закат...»

...Смерть! Где твое жало?

Иоанн Златоуст

Когда на море падет лимонно-желтый закат,
Горбуша в реку пойдет искать Гефсиманский сад,
О камни брюхо кровить, выметывая икру,
Одну только ночь любить и умереть к утру.
Кровавый покров берез упал на твои холмы.
Мы верим, что всё всерьез, выныривая из тьмы,
Где рыбой кипит река, как десять жизней назад,
И падает в облака, серебря глаза.

Над нами кружится кит, в короне звездной дрожа,
Но из этой реки в него не метнуть ножа;
Я тоже стану китом, если останусь жив,
Вспенивая хвостом не воду, а рыбий жир.
Твоих плавников лучи уже не вморозить в лед
(На тундре ржанка кричит – никому не врет),
Уже не отнять руки, уже не отбросить пут
Той последней реки, где мертвые воду пьют.

Мы снова ворвемся в мир, где Бог на древе
пропят,
Где плоть пробита до дыр, а душу кровью кропят,
Где красная (в хрустале) икра мерцает лучом,

Не различая во мгле, кто кому обречен.

1998

«У кошки серые глаза. Лови ее, лови...»

У кошки серые глаза. Лови ее, лови! —
Пока над городом гроза признается в любви,
Меня прожектор опалит пятиконечным льдом,
И голый, словно эвкалипт, я влезу в кошкин дом.

Она одна, всегда одна, и свет в ее окне,
Но свет, летящий из окна, теряется на дне,
Где ни кровинки на лице, лишь волосы плывут, —
И вязнет якорная цепь в придонную траву.

С тех пор прошел немалый срок, мой хвост давно облез,
Мы все в плену кошмарных снов, и времени в обрез.
Мы кормим бабочек зарей из кожаной горсти,
Она становится золой, и Солнце не спасти.

1987–1999

Закон джунглей

Есть тайный сад камней среди монгольских орд,
Где каждый сотворил себе кумира.
Там птицы прячутся в тени медвежьих морд,
И к Маугли с небес спускается Багира.

Там одуванчики затлеют на лету,
Синица прорастет, и жимолость воспрянет,
И тени наших рук, пройдя сквозь пустоту,
Соединятся и в песок помянут.

Звезда без имени ворвется в зеркала,
Зажжет сухой бурьян у твоего порога,
Но ей не пройден путь, которым ты прошла,
Твоя кровавая и хрупкая дорога.

Над ней – молчание невидимых зверей,
Над ней – возносят крест в просвет сосновой

кроны,

Над ней – не отступись, когда медведь-еврей
От нас потребует одной и той же крови.

Мы создаем мир из песни и песка,
Змеиным ядом наводняя жилы,
Пока синица не отвянет от виска,
Пока мы падаем, а значит – живы.

Пока душа твоя в янтарь облачена
И в зеркалах не может отразиться,
На шее Маугли – булатная весна:
Всем одуванчикам грозитя.

1997–1999

Морской конек

I. «Изготовится к бою лещина...»

Изготовится к бою лещина,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.